

# ЛУЧШЕ УМИРАТЬ ОТ СМЕХА, ЧЕМ ОТ ГОЛОДА

Порой фамилия говорит сама за себя. Ну, конечно же, Тереза Дурова — из династии знаменитых цирковых артистов. А если точнее, она правнучка клоуна Анатолия Дурова. На арене с двенадцати лет, работала со словами, потом преподавала в Московском цирковом училище, год назад возглавила российский цирк «Илья» и вот теперь — Театр клоунады в Москве...

— Когда вы поняли, что городу театр клоунов нужен?

— На I Всесоюзном фестивале клоунов. Да вы сами помните, как он проходил: весело, шумно, в зале лблочно негде было упасть, не понимали мы «меры», десять дней фестивалю грозили вылиться в многодневный марш-парад — так много интересных клоуновских коллективов оказалось в стране... А ведь до него говорили: в стране и клоунов-то нет, и публики туская, то ли дело на Западе... Уезжали лучшие наши артисты — кто на полгода, кто на год, кто насовсем. И это казалось почти нормальным... Пока в Санкт-Петербурге на одном из цирковых представлений я не увидела двух девочек — 7 и 12 лет. На юноре работали клоуны, а они обсуждали, когда надо встать и пойти в буфет, чтобы успеть купить пирожное и бутерброды. Это для маленьких старушки сделали, понимаете? Они уже не умели испытывать радость от общения с клоунами. Мне стало страшно. Дети в Лондоне или в Гресседе, подумала я, переживают без наших клоунов, а вот что будут делать наши дети, у которых нет ни красивой чашки, ни красивой ложки, ни игрушки... И еще клоуна забрать? Детство прожить — и ни одного любимого клоуна у тебя нет!

Мы решили готовить фестивали — первый в стране. Когда он закончился, сомнений не было: нужен в Театр клоунады. Именно сейчас, именно в наше тяжелое время. На два часа зрители забывали у нас о своих заботах, если они и плачут, то от смеха. О политике, о социальных проблемах наши клоуны не говорят с ними, интуитивно почувствовали: не надо! Грех смеяться над тем, что сейчас происходит в стране. А вот над глупостью, ложностью, трусостью смеяться всегда. Наши представления для многих, как глоток чистого воздуха... И вот уже на год арендавали театром помещения — это ДК завода имени Владимира Ильича, собрали коллектив из различных клоуновских групп. Через месяц первый в мире Театр клоунады открылся.

— Это ли не парадокс: многие театры закрываются, а вы открываетесь? Удается ли вам выжить?

— Мы никогда бы и не помыслили о создании театра, не будь у нас великолеп-

ного учредителя — акционерного объединения «АКВА». Оно дает нам возможность не просто существовать, но существовать, так сказать, с большой буквы. К счастью, для творческих людей есть и в нашей стране определенная категория бизнесменов, банкиров, которые, живя сами, дают возможность жить и окружающим их людям. Их уровень созрел — они становятся меценатами. А генеральный директор «АКВ» — Владимир Васильевич Коваленко — я глубоко убеждена, меценат по духу. Я никогда не спрашивала его, любит ли он цирк, клоунаду. Но он приходил на фестивали, видел забитый людьми зал, видел, как публика смеется и плачет, он понял, что делает для людей...

— И все-таки каждый творческий коллектив, видимо, мечтает о равном партнерстве. Возможно ли это при столь различных весовых (то есть — финансовых) категориях фирмы и театра?

— Да, возможно. Творческий коллектив никогда не почувствует себя изжитым «богатого дяди», если он работает. Есть люди, которые ищут себе спонсора, нахалт и считают, что это бездонная бочка. Следуют одни просьбы: дай миллион, а еще и еще... Пока наконец у мецената не возникает справедливая мысль: да сколько же можно?!

У нас тоже были споры, как действовать. Можно было «заморозить» труппу, зановошить костюмы, сделать сценическое оформление, «сдаться» на респектионный период — и творить! А люди с деньгами пусть платят: вот «платворим», тогда и начнем...

Мы решили, что позволять себе такого не должны. Честь тоже надо знать. И не останавливались: каждый день открывались занавес, и артисты выходили, и публика сидела в зале... Мы работали — это важно! Но бывает, что в зале оказывается народа меньше, чем это нужно, чтобы заплатить артисту. И я знаю, что «АКВА» в этой ситуации поможет. Ведь публика не пришла не потому, что у нас плохое представление, а потому, что, скажем, бензина в городе нет, доехать до нас очень сложно. В том же Владивостоке нам звонили с предприятий: «Лю-

ди к вам выехали, придержите представления». Нет трамваев, нет троллейбусов — по 400—500 человек стоят на остановках... Дай Бог, если до нас доезжала хотя бы половина зрителей!

— Но люди ехали... — Люди ехали! Мы были счастливы и полновесны... Сейчас ведь выбор очень жесткий: или хлеб, или арешник. Посмотрите, подорожали все, кроме билетов в кино, в театр. Вот оно противоречие: если мы сделаем плату за билет 20—25 рублей, люди к нам не пойдут, а если не сделаем, 20—25 рублей, то мы не выживем.

Нынешнее лихолетье надо пережить, но пережить достойно. Я глубоко верю, что через год-два стабилизируется экономическое положение. Наверное, люди начнут нормально зарабатывать, и, наоборот, будет нормальное количество продуктов, в наш театр станут прибыльными. Я очень верю: не только самоокупаемым, но и прибыльным. А поскольку искусство не способно забывать карманы деньгами, куда они уйдут? Опять в творчество: в лучшие декорации, костюмы, лучшее освещение — это будет достойное нас искусство.

А пока... Пока мы этого лихого, по этому ничего не значат. Театр клоунады обязан доказать, что он есть! Будем работать п... ломать барьеры между собой и зрителем. На фестивале наши клоуны говорили: «Все мы были когда-то детьми, мы умели кричать, хлопать, свястись. Сейчас вы взрослые люди, но мы разрешаем вам это делать. Всем все можно...» И взрослые люди начинают топтать, свястись, кричать. Такое впечатление, будто работаешь в Нью-Йорке: прекрасная, раскованная публика... Но не скажи «можно», ничего этого не будет. Во Владивостоке мы однажды заглянули в гриме в универсам. Хотели пообщаться с публикой, что называется, накоротке. И... у многих — у нас не лице, родители стали прятать детей за спины. Это от клоунов-то! Люди разучились смеяться в неразрешенном месте, в неучтенное время.

Так хочется это сломать. Так хочется создать новую клоунаду — радостных, счастливых людей, а не унылых. Но на это тоже нужно время. Пока же мы говорим всем: не робейте, ребята, все в порядке, проблемка... Надо только вспомнить, что мы умеем хлопать, топтать и свястись, что мы — нормальные люди. Давайте смеяться...

Беседу вел  
Ирина МЕДВЕДЕВА.